

УДК 130.2
ББК 87.3

КОНЦЕПЦИЯ НОВОВРЕМЕННОГО ТИПА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ Х. АРЕНДТ

Наумова Екатерина Игоревна

Кандидат философских наук, ассистент кафедры онтологии и теории познания,
Санкт-Петербургский государственный университет
naumova11@inbox.ru
Университетская набережная, 7-9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию взглядов Х. Арендт на рациональность Нового времени. В концепции Х. Арендт становление тоталитаризма связывается с развитием в Новое время капиталистического типа общества и калькулятивно-рационального типа мышления. Истоки зарождения капитализма в философии Арендт связываются с процессами отнятия собственности и исчезновения частного пространства, что знаменует начало периода экспансии экономики, деконструирующей основополагающую дихотомию частное-общественное. Экспансия капитала служит причиной зарождения тоталитарных движений, крайней негативной формой проявления которых является моральный фашизм как иррациональное проявление капиталистического типа «рациональности», выраженный в неспособности человека выносить суждения самостоятельно.

Ключевые слова: Х. Арендт, тоталитаризм, капитализм, рациональность, моральный фашизм, частное, общественное.

Концепция нового времени типа рациональности традиционно связывается с зарождением и развитием индустриального капитализма и получает обоснование в учении Лукача и представителей Франкфуртской Школы. Так, Лукач является разработчиком идеи формирования особого типа рациональности в связи с зарождением и развитием индустриального капитализма, исходя из закона стоимости, разработанного Марксом, и идей М. Вебера [8]. Его теория находит продолжение в учении Маркузе в связи формированием концепта «технической рациональности» и общества потребления [10]. Хоркхаймер и Адорно формулируют концепцию «инструментального разума», который наиболее ярко проявил себя в капиталистическую эпоху [1; 12]. На основании этого возможно говорить, об особом типе рациональности, связанном с развитием капитализма, и обозначить его как капиталистическую рациональность, которая

обратной стороной имеет иррациональный момент в виде насилия [8, с. 262] и морального фашизма [12, с. 142].

Мы помещаем Ханну Арендт в один ряд с концепциями Лукача и представителями Франкфуртской школы на основании того, что ее философская теория объясняет те изменения, которые претерпел человеческий разум и мыслительные способности в Новое время, и которые явились источником зарождения фашизма и тоталитаризма как основных тенденций развития морали и политики в мировой истории начала XX века. По нашему мнению, капиталистический тип рациональности, воплощенный в определенном типе мышления, явился источником формирования фашистской морали и тоталитарного типа общества.

Ханна Арендт является известным теоретиком, разработавшим концепцию «общественного» пространства как воплощения свобод-

ной политической жизни, зародившейся в греческом полисе и полностью исчезнувшей в Новое время. На наш взгляд, проблематизация сферы «публичного» в теории Арендт напрямую связана с темой капитализма и капиталистической рациональности. Важным моментом в ее рассуждениях является то, что политическая сфера в древнегреческом полисе не являлась социальной, тогда как социальное измерение появляется в Новое время и связывается Арендт с развитием капитализма и возникновением национального государства. Она описывает трансформацию способа организации общества от Античности через Средние века к Новому времени как переход от науки политики к национальной экономике. Основная идея состоит в том, что в античный и средневековый периоды политическая сфера существовала отдельно от экономики, тогда как в Новое время экономика поглотила собой политическое измерение существования общества.

Важным утверждением Арендт является положение о том, что Новое время знаменует собой процесс «разрастания» частной сферы на территорию политического/публичного пространства, что формирует новое измерение общественной жизни, которое носит название социального или общественного. Это означает, что тенденция Нового времени связана со стиранием различия между публичным и частным и их замену на социальное пространство. В Новое время, по словам Арендт, формируется социум с управляемой государством частной сферой. Такой процесс выводит жизнь и труд на то место, которое раньше было сферой политического. На наш взгляд, в силу этого происходит фундаментальная подмена конечных целей, ради которых осуществляются человеческая деятельность и мышление. Если в греческом полисе люди в публичном пространстве достигали совершенства через упражнения в слове и действии для устройства лучшей политической жизни, то в нововременной парадигме человек трудится или занимается изготовлением, к которому его принуждают законы нового социального бытия. В сфере социального больше нет места для свободного политического действия, в ней устанавливается анонимное осуществление власти или бюрократии.

И если раньше публичная сфера претендовала на возможность изменить мир, преобразовать его законы, то социальная сфера может быть охарактеризована как конформистская среда, в которую человек должен интегрироваться. На смену политическому действию и поступку приходит адаптированное к предустановленной иерархии поведение человека. Античная сфера публичности позволяла развиваться и обеспечить выражение человеческой индивидуальности, которая в Новое время преобразовалась в поведенческое единство атомизированной массы под надзором статистической науки. Колонизация частной сферой политического пространства оставляет для человека, как отмечает Арендт, один удел: умение радоваться жизни в четырех стенах. Массовое общество, воплощающее одиночество атомизированных индивидов, разрушает необходимую для реализации свободы структурную пару публичное – приватное.

Нам представляется значимым размышление Арендт о том, что стирание различий между публичным и приватным пространством связано с проблемой капитализма. Так, она отмечает, что в Древней Греции и Риме было иное, чем в нововременной традиции, понимание собственности. Собственность понималась греками как родовое место в мире, некая обитель тайны. Собственность как приватное, отделенное от публичного пространства, была связана с местом потаенности, хранящим загадку человеческого рождения и смерти. Собственность – это то место, куда приходит человек рождаясь, и куда уходит умирая, что-то скрытое от публичного обозрения [5, с. 82]. Согласно Арендт, капитализм получил свое развитие через процедуру отнятия собственности, когда собственности лишали низшие слои населения (отнятие собственности у крестьян, экспроприация церковного и монастырского имущества после реформации [5, с. 86]) в угоду представителям высших сословий и классов, что способствовало накоплению капитала в их руках. Арендт преобразует тезис Прудона о том, что собственность есть кража [11], применительно к истокам зарождения капитализма, утверждая, что «не собственность стала кражей, а капитал в современном обществе возник из кражи собственности» [5, с. 87]. Она отмеча-

ет, что возникновение социума в Новое время связано с тем, что собственность перестает быть частной заботой каждого человека, а становится связанной с общественным интересом. Владение из частного пространства переходит в сферу публичного – и в этом, как мы полагаем, состоит основная трансформирующая миропорядок функция капитализма. Последствия капиталистического изменения общества таковы, что было утрачено понятие общественных (общих) вещей, они были вытеснены частными вещами, что означало утрату прежней функции собственности. Вещь, помещенная в общественное пространство, утратила свою частную потребительную стоимость, которая не отделима от места, и обрела социальную ценность, выраженную в возможности обмена вещи. Иными словами, в силу развития капитализма недвижимая собственность перешла в разряд движимого владения, общественная ценность которого была редуцирована к денежному знаменателю.

Арендт выделяет три главных изобретения, которые характеризуют эпоху Нового времени: открытие Америки, Реформация, которая запустила процесс экспроприации собственности, и изобретение телескопа, которое привело к смене «оптики» видения мира. Основная тенденция новоременинного развития состоит в том, что скорость покоряет пространство, в силу чего преобразуется способ восприятия расстояния, исчезает понятие неизмеримости расстояния, на место бесконечности дали приходит исчислимая близость. «В этом аспекте технические изобретения модерна, благодаря которым всякое земное пространство начинает располагаться в осязаемой близости, были предвосхищены картированием суши и моря на ранних стадиях Нового времени. Сморщиванию земного пространства и снятию отдаления железными дорогами, паромом и самолетом предшествует другое, бесконечно более действенное и более радикальное сморщивание, происходящее от того, что измерительная способность человеческого рассудка может произвольно посредством чисел, символов и моделей уменьшать любую физическую данность в масштабе, пока то, что чувством воспринимается как бесконечно большое, не сожмет-

ся до величины, доступной для человеческого оперирования в рамках его телесных и чувственных масштабов» [5, с. 332]. В этой тенденции человеческого рассудка «схлопывать» пространство посредством калькулятивной логики и создавать измерение близости заключен парадокс: для того, чтобы убрать измерение дали и бесконечности, человеку нужно отдалиться от Земли, то есть стать отчужденным от Земли или «непосредственного земного жилья» [5, с. 332]. Как можно отметить, именно это первичное отчуждение от Земли и от мира и явилось собой зачатки формирования калькулятивного типа рациональности.

Следующий этап отчуждения, как отмечает Арендт, связан с эпохой Реформации, которая создала условия для установления отчуждения внутри мира, или, говоря в терминах М. Вебера, «аскезы внутри мира», где по мнению последнего и сформировался источник развития капиталистического образа мысли. Однако в этом пункте можно проследить различие позиций Вебера и Арендт в отношении истоков зарождения капиталистической рациональности. Согласно Арендт, наряду с протестантским отчуждением мира внутри мира можно найти другой источник подобного отчуждения, а именно, экспроприация собственности у церкви и впоследствии у крестьянства. Как отмечает Арендт, «лишь эти отчуждающие от мира экспроприации вызвали крушение феодальной экономической системы» [5, с. 38]. В данном случае можно, используя терминологию Бибикина [6, с. 30–43], заключить, что Арендт ведет речь о том, что истоки капиталистического образа мысли лежат в отнятии права собственности человека на мир, собственности как чего-то своего, как прикровенного места в мире. Именно переход собственности из интимного, частного пространства в сферу публичного явился стимулом для накопления богатств и возрастания капитала.

Главным итогом отчуждения человека от мира является то, что у него утрачивается необходимость заботиться о мире и наслаждаться миром [5, с. 336]. В этом отношении сходство позиции Арендт с Марксом [9] в ранний период его творчества состоит в том, что именно отчуждение от мира, а не отчуж-

дение от самости является основным признаком капиталистического производства [5, с. 337]. «Экспроприация, то есть отбирание у известных слоев населения их места в мире и предоставление их борьбе за голое существование, исторически является как исходной точкой для первоначального накопления, так и исходным условием возможности превращения богатства через эксплуатацию труда в капитал» [5, с. 337].

Так, избавление человека от необходимости заботиться о мире вызвало высвобождение естественного процесса рабочей силы, что послужило толчком к усилению процесса производительности и развитию процесса дальнейшей экспроприации. По мнению Арендт, не промышленная революция, а новоевропейский процесс экспроприации стал условием возрастания капитала и человеческой производительности. Процесс формирования рабочего класса в Новое время связан с необходимостью привнесения в жертву мира и принадлежности людей к миру. Формируется, по словам Арендт, очень противоречивое понятие коллективной собственности через отнесенность к которой формируется человеческий социум, который заступил на место национальных государств с суверенными границами. «Возникновение человеческого рода, в отличии от человечества как регулятивной идеи человеческого достоинства, означает не более и не менее как распространение современного общества по всему земному шару, а тем самым распространение социальных феноменов модерна, лишения корней и одиночества массового человека и массовых движений на все страны мира» [5, с. 340].

Таким образом, получивший свое развитие в Новое время капитализм Арендт связывает с формированием буржуазного класса, а последующее развитие индустриального капитализма с формированием бесклассового общества и производством так называемого «массового человека». Развитие капиталистической системы общества, технологий и научного прогресса способствовало усилению самовозрастания капитала, что привело к формированию империалистических тенденций, ориентированных на военный захват новых территорий. Империализм, как отмечает Арендт, развивался против возмож-

ности формирования национальных государств с четкими территориальными границами, так как воспроизводил в себе усиливающуюся тенденцию общемировой экспансии капитала. Так, в понимании Арендт, основной тенденцией развития европейских империй к концу XIX в. становится формирование тоталитарных движений, поставивших себе на службу террор и пропаганду, в основе своей содержащих расистские идеи, взамен идеи нации или класса [2, с. 407–597].

Нам представляется важной разработанная Арендт концепция моральной философии в связи с развитием и продвижением в жизнь тоталитарного движения, а затем и установления тоталитарного режима, нашедшего свое наиболее яркое воплощение в нацистской Германии времен Третьего рейха. Арендт поднимает фундаментальную проблему объяснения причин, в соответствии с которыми масса людей поддерживала и принимала участие в преступлениях нацистского режима. Концептуализация этих размышлений выражена в теории Аренд о банальности зла, которая получила свое оформление в ее труде о деле сотрудника гестапо Эйхмана, подвергнувшегося суду в Иерусалиме с последующим вынесением ему смертного приговора.

Основной тезис Арендт состоит в том, что Эйхман, осуществлявший массовое уничтожение евреев, не был ни демоном, ни чудовищем, ни фанатиком идей фюрера, а представлял собой обычного законопослушного гражданина, не умеющего мыслить [4, с. 218]. И значимым моментом в рассуждении Аренд является то, что неумение мыслить, свойственное людям, существующим в рамках тоталитарной системы, свидетельствует не столько о типичном для нового времени мировоззренческом смещении от метафизического подхода к позитивистскому, сколько обнаруживает отсутствие потребности у человека в мышлении.

Следуя кантовскому разделению между познанием и мышлением, Арендт отмечает, что мышление – это фундаментальная категория, определяющая естественную потребность человеческого существа, вне зависимости от его эрудиции, образованности, темперамента и т. п. В то же время в тоталитарных режимах человек оказывается дистанцирован от необходимости упражнений ума как прояв-

ления способности мыслить. Арендт отмечает, что «главная характеристика мышления состоит в том, что оно прерывает всякое действие, всякую обыденную деятельность» [4, с. 226]. Когда человек мыслит, он перемещается в другой мир, где нет места действию и жизни, где он имеет дело со сверхчувственными предметами: «предмет мыслей это всегда представление, то есть нечто такое, что, в действительности, отсутствует и лишь стоит перед взором ума, который, благодаря воображению, способен сделать это присутствующим в виде образа» [4, с. 227]. Из данного определения процесса мышления ясно, что мыслить – это не значит жаждать новых знаний и открытий. Мышление – это рефлексия, которая не служит познанию и не подчинена практическим целям. Для новоевропейского типа рациональности такой тип мышления рассматривается как бесполезная трата времени, результаты такого мышления непроверяемы и неприменимы. Это означает, что способность мышления, о которой пишет Арендт, нацелена не на результат мыслительной деятельности, а имеет ценность как процесс, как опыт работы с неявленным. Способность мышления, в отличие от капиталистической рациональности, избегает необходимости выводить какие-то правила, которым она должна впоследствии подчиниться.

В качестве примера осуществления такого типа мышления Арендт приводит Сократа, как философа, чье учение невозможно преподавать академическим образом, чьей мысли нельзя научить. Основным моментом в описании способности мышления, воплощенного в фигуре Сократа, является то, что такой тип мышления опасен для всех мировоззрений, так как он сам не стремится к созданию какого-либо мировоззрения. В противоположность способности мышления Сократа выступает новоевропейская рациональность, основанная на калькуляции и логике господства, которая порождает упорядоченный, иерархический универсум с определенным набором законов и правил. Человек, помещенный в такой универсум, теряет необходимость для вопрошания о сущностном устройстве мира, его задача состоит в том, чтобы твердо держаться правил поведения, которые предписаны в данном обществе в данное время.

Важным является замечание о том, «что люди привыкают не столько к содержанию правил, <...> сколько к самому наличию правил, под которые можно подвести частные случаи. Другими словами, они привыкают никогда не жить своим умом» [4, с. 243]. Как нам представляется, данная мысль является ключевой в размышлениях Арендт, так как она постулирует положение о том, что человек новоевропейской рациональности в условиях существования в тоталитарном режиме, не утруждая себя в мышлении, инерционно готов сменить «старый» кодекс чести и добродетели на новый, пусть даже и полностью противоположный прежнему. Максима послушной массы при тоталитарном режиме состоит в том, что «чем тверже люди держались старого кодекса, тем с большей готовностью они приспособятся к новому». Так в нацистской Германии произошло переключение от одной моральной установки «Не убий!» на прямо противоположную – «Убий!». В этом отношении действия Эйхмана рассматриваются как исполнение нового государственного закона, как воспроизводство привычки жить по установленным правилам и быть законопослушным гражданином.

Согласно Х. Арендт, неумение мыслить напрямую связано с отказом человека от «совести» как того, что позволяет «ведать совместно и самостоятельно» [4, с. 220]. В данном случае совместное и самостоятельное ведание как знание, актуализирующееся в мыслительном процессе, – это возможность человека жить в мире и ладу с самим собой. Совесть делает явленным различие в структуре «я», так как «я» не является целостным: «я с неизбежностью оказываюсь двумя в одном» [4, с. 251]. В силу этого способность мышления – это опыт переживания различия в тождественном, способность соотноситься с самим собой в мысленном диалоге. Мышление в его истинном смысле является процессом, который позволяет человеку остаться один на один со своей совестью и при этом не испытывать чувство одиночества или вины. Тогда как неумение мыслить свидетельствует о невозможности остаться наедине с самим собой, потому что человек слишком занят исполнением правил и законов, не задаваясь вопросом об их возможной преступной природе. Арендт, формулируя мораль, которой придерживается человек, спо-

собный мыслить, говорит вслед за Сократом, что «лучше страдать, чем совершать дурные поступки» [3, с. 48].

В то время как фашистская мораль, представленная в поступках Эйхмана, гласит, что, выбирая между собственной жизнью и жизнью другого человека, он с неизбежностью, сохраняя свою жизнь, исполняет преступный приказ убивать, потому что другого выхода у него не было, убивать было его работой. В связи с этим налицо отказ признать личную ответственность за содеянное, так как в своих действиях он руководствовался новым объективным правилом или словом фюрера. Так люди, пособничавшие нацистскому режиму, отказывались нести ответственность за нацизм, потому что были не в состоянии противопоставить объективным историческим процессам собственное суждение. Для Арендт нацистский режим репрезентирует сложившийся на тот момент в системе морали коллапс человеческой возможности выносить личное суждение. Арендт отрицает возможность переживания коллективной вины за преступления фашизма, она постулирует, что «вина и невиновность имеют смысл только в отношении отдельной личности» [3, с. 60]. В то время как анонимность тоталитарной бюрократии Третьего рейха внушала людям иллюзию, что они лишь «винтики» в этой машине убийства и уничтожения, тогда как суд над Эйхманом показал, что злодеяния совершал человек, который должен нести личную ответственность за содеянное. Парадокс заключается в том, что моральным оправданием участия в преступлениях нацистского режима для людей было то, что они как раз исполняли свой моральный долг, оставаясь на работе, несмотря на все меняющиеся условия жизни. Моральным аргументом фашистской морали является аргумент наименьшего зла: «перед лицом двух зол наш долг – выбрать меньшее, тогда как вообще отказаться от выбора безответственно» [3, с. 68]. Идея приемлемости наименьшего из зол прекрасно служит оправданию преступлений тоталитарных режимов, маскируя тот факт, что люди все же выбирают зло и играют по его правилам. Так, Эйхман в своей преступной деятельности постоянно придерживался правила избегания излишней жестокости, парадокс заключается в

том, что «совесть Эйхмана протестовала против любой мысли о жестокости, не против мысли об убийстве» [3, с. 75]. Новая мораль Третьего рейха требовала убивать невинных людей, и именно представители добропорядочной части общества были первыми, кто автоматически сменили одну систему ценностей на другую. Поэтому для Арендт люди, которые отказались от участия и сотрудничества с нацистским режимом, претендуют на способность мыслить, выносить суждение и нести ответственность. Для таких людей имела место быть та черта, перейдя которую, человек уже не сможет жить в ладу с самим собой. Они отказывались убивать, потому «что не хотели в дальнейшем жить с убийцами – то есть с самими собой» [3, с. 78]. Арендт констатирует, что при гитлеровском режиме мы столкнулись с коллапсом морали добропорядочного общества, которое в определенный момент утратило способность мыслить и пользоваться своим умом. Корни этого коллапса, как мы полагаем, лежат в развитии капиталистического типа рациональности, который радикальным образом преобразует мышление человека. Мышление напрямую начинает связываться с познанием, с чувственными вещами, с необходимостью формирования целостной системы мира, где истина служит прагматическим целям и утрачивает свое измерение трансценденции.

Капиталистическая рациональность скрывает от человека его изначальную раздвоенность, которую постулирует Арендт, она формирует миф о целостном «я», тем самым отрезая возможность способности суждения состояться. Диалоговая структура мышления как опыт переживания нетождественного в тождественном, как способность остаться наедине с собой, поставив под вопрос наличествующие условия существования, – это есть настоящая опасность для капиталистической системы рациональности, где мыслить и выносить личные суждения о мире оказывается излишним.

Таким образом, главным итогом развития просвещенческого типа разума, который нашел свое выражение в капиталистическом типе рациональности, является формирование неспособности человека мыслить и выносить суждения самостоятельно. Если, согласно

Канту [7], Просвещение связано с совершенствованием человека как способностью пользоваться своим разумом самостоятельно, то, вслед за Х. Арендт, мы можем сделать вывод о том, что результатом развития Просвещения оказалось воплощение капиталистической рациональности в фашистском типе морали, которая на уровне массового сознания выражается в неспособности самостоятельно выносить суждение о мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адорно, Т. Диалектика Просвещения / Т. Адорно, М. Хоркхаймер. – М. ; СПб. : Медиум : Ювента, 1997. – 310 с.
2. Арендт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. – М. : ЦентрКом, 1996. – 672 с.
3. Арендт, Х. Личная ответственность при диктатуре / Х. Арендт // Ответственность и суждение. – М. : Изд. Ин-та Гайдара, 2013. – С. 47–83.
4. Арендт, Х. Мышление и соображения морали / Х. Арендт // Ответственность и суждение. – М. : Изд. Ин-та Гайдара, 2013. – С. 218–258.
5. Арендт, Х. Vita Activa, или о деятельной жизни / Х. Арендт. – СПб. : Алетейя, 2000. – 437 с.
6. Бибихин, В. В. Собственность. Философия всего / В. В. Бибихин. – СПб. : Наука, 2012. – 536 с.
7. Кант, И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? / И. Кант // Собр. соч. : в 8 т. – М. : Чоро, 1996. – Т. 8. – 716 с.
8. Лукач, Д. Овеществление и сознание пролетариата / Д. Лукач // История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. – М. : Logosaltera, 2003. – 413 с.
9. Маркс, К. Дебаты шестого рейнского ландтага. Дебаты по поводу закона о краже леса / К. Маркс // Собр. соч. : в 30 т. – М. : Изд-во полит. лит., 1955. – Т. 1. – С. 119–160.
10. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М. : Relf-book, 1994. – 341 с.
11. Прудон, П. Ж. Что такое собственность? / П. Ж. Прудон. – М. : Республика, 1998. – 366 с.
12. Хоркхаймер, М. Затмение разума / М. Хоркхаймер. – М. : Канон, 2011. – 222 с.

REFERENCES

1. Adorno T., Horkheimer M. *Dialektika Prosveshcheniya* [The Dialectics of Enlightenment]. Moscow, Saint Petersburg, Medium Publ., Yuventa Publ., 1997. 310 p.
2. Arendt H. *Vita Activa, ili o deyatelnoy zhizni* [Vita Activa, or on the Active Life]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2000. 437 p.
3. Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism]. Moscow, TsentrKom Publ., 1996. 672 p.
4. Arendt H. *Myshlenie i soobrazheniya morali* [Thinking and Moral Ideas]. *Otvetstvennost i suzhdenie* [Responsibility and Judgment]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaydara, 2013, pp. 218-258.
5. Arendt H. *Lichnaya otvetstvennost pri diktature* [Personal Responsibility at Dictatorship]. *Otvetstvennost i suzhdenie* [Responsibility and Judgment]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaydara, 2013, pp. 47-83.
6. Bibikhin V.V. *Sobstvennost. Filosofiya vsego* [Property. The Philosophy of Everything]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2012. 536 p.
7. Kant I. *Otvét na vopros: chto takoe Prosveshchenie? Sbornie sochineniy v 8 t. T. 8* [The Answer to the Question: What is Enlightenment? Collected Works in 8 vols. Vol. 8]. Moscow, Choro Publ., 1996. 716 p.
8. Lukach G. *Oveshchestvlenie i soznanie proletariata* [Reification and the Consciousness of the Proletariat]. *Istoriya i klassovoe soznanie. Issledovaniya po marksistskoy dialektike* [History and Class Consciousness: Studies on Marxist Dialectics]. Moscow, Logosaltera Publ., 2003. 413 p.
9. Marx K. *Debaty shestogo reynskogo landtaga. Debaty po povodu zakona o krazhe lesa. Sbornie sochineniy v 30 t. T. 1* [The Debates Concerning the Sixth Rhine Landtag. Debates on Law on Wood Theft. Collected Works in 30 vols. Vol. 1]. Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury, 1995, pp. 119-160.
10. Marcuse G. *Odnomernyy chelovek* [One-Dimensional Man]. Moscow, Relf-book Publ., 1994. 341 p.
11. Proudhon P-J. *Cho takoe sobstvennost?* [What Is Property?]. Moscow, Respublika Publ. 366 p.
12. Horkheimer M. *Zatmenie razuma* [Eclipse of Reason]. Moscow, Kanon Publ., 2011. 222 p.

THE CONCEPTION OF NEW AGE'S TYPE OF RATIONALITY IN H. ARENDT'S PHILOSOPHY

Naumova Ekaterina Igorevna

Candidate of Philosophical Sciences, Assistant, Department of Ontology and Cognition Theory,
Saint Petersburg State University
naumova11@inbox.ru
Universitetskaya Emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the investigation of H. Arendt's ideas about the rationality of the new age philosophy. The establishment of totalitarianism in the Arendt's theory is connected with the development of capitalist society and calculative-rational type of thinking in the new age. The origins of capitalism in the Arendt's philosophy are related to the idea of the expropriation of the property and elimination of the private space that represent the beginning of the economic expansion deconstructing the fundamental dichotomy "private-public". The capital's expansion is the reason of the emerging totalitarian movements, and the moral fascism is the extreme negative mode of their representation. The moral fascism is the irrational manifestation of capitalist type of "rationality" which is expressed in the human incapacity to make independent judgments.

Key words: H. Arendt, totalitarianism, capitalism, rationality, moral fascism, private, public.